

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Тимофей Пнин, Лиза Боголепова, Эрик Винд, Алиса (чиновник иммиграционной службы)

На сцене Алиса у маленькой кафедрой, перед ней Пнин и беременная Лиза

Лиза. Застежка, Тимофей!

Алиса. Congratulations!

Лиза. Внизу, Тимофей, там... ниже... ниже... ниже.

Пнин застегивает ширинку.

Алиса. Congratulations! You are now American citizen, Mrs. and Mr. Pnin, and you have a new life ahead of you. Please remember that whatever anyone tells you, you are not any different from those who were born in America. You have the same rights and opportunities --- and so does this little surprise inside! (указывает на лизин живот и улыбается).

Лиза и Пнин обмениваются рукопожатиями с Алисой. Алиса берет папку и уходит. Пнин надевает Лизе на плечи шубу, безуспешно пытается одеть пальто, засовывает обе руки в рукава и т.п., шарф прижимает подбородком, теряет зонт. Лиза поднимает зонт.

Пнин. Все позади, дорогая! (берет лизину руку, роняет зонт). Наше дитя никогда не узнает, сколько мы выстрадали ради него. Или нее! (Смеется)

Лиза. Зонт, Тимофей!

Лиза подает Пнину зонт. Музыка. Входит Эрик с чемоданчиком.

Лиза. Тимофей, это Эрик, мой коллега. Я все хотела тебе сказать... но иммиграционные дела... зеленая карта... пришлось тянуть и тянуть.

Эрик подходит к Лизе и Пнину. Пнин протягивает ему руку.

Пнин. Ну конечно! Рад, чрезвычайно рад нашему знакомству, господин Винд. Вы застали нас, можно сказать, в счастливейший миг нашей жизни.

Эрик. Очень рад.

Эрик и Пнин пожимают друг другу руки.

Лиза. Доктор Винд не только коллега.

Эрик (механически, с акцентом). Мы друг друга любим.

Пнин роняет зонт.

Лиза. Как специалисты по психоанализу, мы исследовали наше подсознание и поняли себя.

Пнин. Теперь это не имеет никакого значения, надо думать о ребенке, который вот-вот...

Лиза. Ах, оставь это, Тимофей. Зачем тебе ребенок Эрика? (Всматривается в лицо Пнина). Но конечно, ты не только для меня переехал в Америку, получил зеленую карту и гражданство, прежде всего выиграл он, ребенок, и давай считать, что духовно, так сказать, духовно это и твое дитя, Тимофей.

Лиза поднимает зонт.

Эрик. Нам пора.

Лиза. Конференция по детской психологии в Филадельфии. Я знаю, ты все поймешь. Ты святой, Тимофей. Не пропадай!

Эрик (механически, с акцентом). Был очень рад!

Эрик, Лиза уходят.

Пнин роняет зонт и замирает. Музыка. Пнин поднимает зонт, смотрит на небо, открывает его и проходит справа налево по авансцене, как бы преодолевая напор ветра.

Свет. (ДИМА, МОЖНО СПЕТЬ НЕМНОГО ГИМНА АМЕРИКИ ПО-РУССКИ ТУТ)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Пнин, Кэти, Рэчел, Бетти, Дан, другие студенты.

Кэти. Тимофей Павлич Пнин. Что если он снизит отметку, если не так произнесешь его имя?

Рэчел. Как он вообще ставит отметки? По русской системе? Он совершенное ископаемое.

Бетти. Он гениален.

Кэти. Чем он тебя увлек?

Бетти. Он знаменитый ученый и мой любимый преподаватель. Я уже два раза к нему записывалась. Он приехал во время войны... если бы не акцент, его бы на части рвали.

Входит Пнин. Студенты поспешно садятся перед ним, спиной к зрителям.

Пнин (с ужасающим акцентом). Good morning. When enters Professor students stand in Russia. You also stand if you want like in Russia.

Рэчел (копируя акцент Пнина, в сторону). I don't want like in Russia.

Бетти. Тсс!

Студенты быстро встают и садятся.

ДИМА, ТУТ ПЕСНЯ О ПРОФЕССОРЕ И СТУДЕНТАХ, можно один нейтральный куплет и два припева из:
<http://sergeytatiananikitiny.com/index.php/media/-2/N/8---/26-----/476-->
<http://www.bashedu.ru/priemkom/bei-professorov-mama-ya-fizika-lyublyu>

Пнин. Что вам, господа, известно об Александре Пушкине?

Все кроме Бетти пожимают плечами.

Бетти. Это солнце русской литературы.

Пнин (наклоняется, выжидает очень внимательно; услышав ответ и просияв, поднимает вверх средний палец). Correct!

Яркий свет. Студенты смеются.

Бетти (пытаясь замазать происшедшее). Его нельзя перевести без потерь, поэтому на Западе он мало известен.

Пнин (блаженно улыбается, жмурится). Correct! Мы будем иметь дело только с его прозой. А сейчас я прочту введение. Тут совсем немного. (Откашливается, трет платком лысину или лоб). Перед малочисленной, надо признаться, аудиторией... ведь Россия никогда не была особенно привлекательным предметом исследования для западных гуманитариев... (с акцентом) To make, как говорится, the long story short, I will not beat about the bush and go to the heart of the matter.

Начинает искать текст. Снимает пиджак. Начинается нервная музыка. Студенты посмеиваются.

Забыл на кухне, разумеется... из-за излишней организованности. Да вот она!

Пнин хохочет. Студенты смеются.

"Первой силой, противостоящей художнику в России, было правительство. Другой силой была антиправительственная критика, радикальные мыслители. Они играли ту роль, что здесь играют поборники разнообразных умственных мод вроде деконструктивизма. Прежде, чем выходить за рамки текста, проверьте, господа, хорошо ли вы понимаете все, что внутри! Конечно, полиция, считавшая Байрона итальянским революционером... была намного хуже левого критика.

Пнин снова хохочет. Студенты молчат. Неловкость.

Дэн. Байрон?

Пнин. Эти господа, считавшие Байрона итальянским революционером, следили главным образом за нравственностью. Проза должна была быть добродетельна. Невозможно представить себе русского писателя того времени, сочинившего "Любовника леди Чаттерлей". Но и попытки утилитарной критики использовать литературу в своих целях были по своему недостойны.

Кэти. Кто-нибудь это читал?

Бетти. Тсс!

Пнин. Пушкин нарушал правила добродетели, правила, установленные властью, не вписывался ни в какие системы. (Озадаченно озирается). Да... итак, мы прочтем с вами прозаическое произведение Пушкина. Начнем здесь, в аудитории, а продолжим дома.

Рэчел. Тьмофэй Палич, не могли бы вы снабдить нас вопросами к тексту, чтобы мы не пропустили главного.

Пнин. Главного? Но разве в литературном произведении есть главное и второстепенное? Самый текст --- это и есть главное. Сделайте вот как: устройтесь поуютнее на диване, возьмите блюдечко с черешней, и читайте. Уверю вас, вы не заметите, как ягоды исчезнут!

В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова.

Пнин и студенты гуськом на цыпочках уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Берестов, Муромский

Входит Берестов в одежде русского барина.

Берестов. В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезде в поле. Хозяйственные упражнения его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, устроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке. Его любили.

Входит Муромский в английском жокейском костюме, с хлыстом.

Муромский. Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развел он английский сад, конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка.

Берестов. Из людей, осуждавших его, Берестов отзывался строже всех. Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. Он не мог равнодушно говорить об англomани своего соседа и поминутно находил случай его критиковать. "Да-с! --- говорил он с лукавой усмешкой, --- у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть съты!"

Муромский (машет пальцем). Берестов, господа --- медведь и провинциал! Медведь и провинциал!

Муромский и Берестов уходят вправо и влево.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Первая Барышня, Вторая Барышня, Третья Барышня, Четвертая Барышня; Первый Дворовый Человек, Второй Дворовый Человек, Третий Дворовый Человек, Пнин, Алексей Берестов, Лиза Муромская, Мисс Жаксон

Входят, держа лица в книгах, гуськом три уездные Барышни. Останавливаются и поворачиваются к залу. Барышни теперь стоят в ряд, каждая закрывает лицо книгой и говорит, опустив книгу, затем поднимает книгу обратно к лицу.

Первая. Что за прелесть эти уездные барышни!

Вторая. Воспитанные на чистом воздухе, они знание света и жизни почерпают из книжек.

Третья. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти.

Три дворовых человека подходят к ним с блюдами, дают им по яблоку и уходят. После реплик барышни кусают яблоки.

Первая. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение.

Вторая. Поездка в ближний город полагается эпохой в жизни.

Третья. Посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание.

Четвертая барышня входит. Остальные поворачиваются к ней.

Четвертая. Вот новость! Сын Берестова Алексей Иванович приехал к нему в деревню. Сказывали, он воспитан в университете, намеревается вступить в военную службу, только отец пока не соглашается, и зажил покамест барином, отпустив на всякий случай усы. Разочарован буквально во всем. На пальце кольцо с адовой головой!

Первая. Сын Берестова Алексей Иванович приехал к нему в деревню!

Вторая. Воспитан в университете!

Третья. Намеревается вступить в военную службу!

Первая. Только отец на то не соглашается.

Вторая. Живет покамест барином, отпустив усы на всякий случай.

Третья. Разочарован буквально во всем! На пальце кольцо с адамовой головой.

Входит Пнин.

Пнин. So the main characters are Elizaveta Grigorievna, also called Lisa-Betsy, and Aleksei Ivanovich. I have to explain that Russians use names and patronymics like so many Eastern people do... If someone in Arabia is called, say, Osama bin Laden, that means he is Osama son of Laden. Elizaveta Grigorievna therefore means Lisa daughter of Gregory.

Пнин уходит, взяв яблоко у одной из барышень и машинально надкусив его.

Входит Алексей и говорит, пересекая сцену. Барышни резко поворачиваются к нему и, как подсолнухи обращаются неизменно к солнцу, так все они следуют за ним взглядом и движениями головы и тела.

Алексей. Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях, и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново в той губернии.

Алексей уходит. Входят дворовые с биноклями и забирают оставшиеся яблоки. Барышни берут бинокли и подносят к глазам, потом опускают и хором произносят последнюю реплику.

Барышни. Какой стан!

Барышни уходят.

Входит Лиза, встретив барышень и у одной из них забрав бинокль. За ней семенил Мисс Жаксон.

Лиза. Барышни сходили по нем с ума. Но всех более занята была им дочь англомана Муромского, Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович). Отцы друг ко другу не ездили, она Алексея еще не видала, между тем как все молодые соседки только об нем и говорили. Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и следственно балованное дитя.

Мисс Жаксон (белится, с зеркалом). Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала "Памелу", получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки (прекращает белиться, с пафосом) в этой варварской России.

Мисс Жаксон забирает у Лизы бинокль.

Все, кроме Лизы, уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Настя, Лиза, Пнин

Настя входит с платьем на плечиках.

Настя (поворачивая плечики в разные стороны). За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и ее барышня.

Лиза. Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны, вместе с нею обдумывала свои затеи; словом, Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии.

Настя (подходит к Лизе, прикладывает к ней платье). Позвольте мне сегодня пойти в гости.

Лиза. Изволь; а куда?

Настя. В Тугилово, к Берестовым. Поварова жена у них именинница и вчера приходила звать нас отобедать.

Лиза. Вот! господа в ссоре, а слуги друг друга угощают.

Настя. А нам какое дело до господ! --- к тому же я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым; а старики пускай себе дерутся, коли им это весело.

Лиза. Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да Расскажи мне хорошенько, каков он собою и что он за человек.

Настя уходит. Она оставляет Лизе платье, та его прикладывает к себе. Входит Пнин.

Пнин. Как вы могли заметить, Пушкин пародирует "Ламмермурскую невесту" Скотта, "Ромео и Джульетту" и множество сентименталистских новелл. Диалог Лизы с Настей будто списан с разговора Джульетты с кормилицей. Я как раз изучаю шекспировские темы в русском фольклоре... но мы отвлечлись.

Пнин уходит, забрав у Лизы платье. Настя вбегает на сцену.

Настя. Ну, Лизавета Григорьевна, видела молодого Берестова: нагляделась довольно; целый день были вместе.

Лиза. Как это? Расскажи, Расскажи по порядку.

Настя. Извольте-с; пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...

Лиза. Хорошо, знаю. Ну потом?

Настя. Позвольте-с, Расскажу все по порядку. Вот пришли мы к самому обеду. Комната полна была народу. Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские...

Лиза. Ну! а Берестов?

Настя. Погодите-с. Вот мы сели за стол, приказчица на первом месте, я подле нее... а дочери и надулись, да мне наплевать на них...

Лиза. Ах, Настя, как ты скучна с вечными своими подробностями!

Настя. Да как же вы нетерпеливы! Ну вот вышли мы из-за стола... а сидели мы часа три, и обед был славный; пирожное бланманже синее, красное и полосатое... Вот вышли мы из-за стола и пошли в сад играть в горелки, а молодой барин тут и явился.

Лиза. Ну что ж? правда ли, что он так хорош собой?

Настя. Удивительно хорош, красавец, можно сказать. Стройный, высокий, румянец во всю щеку...

Лиза. Право? А я так думала, что у него лицо бледное. Что же? Каков он тебе показался? Печален, задумчив?

Настя. Что вы? Да этакое бешеного я и сроду не выдывала. Вздумал он с нами в горелки бегать.

Лиза. С вами в горелки бегать! Невозможно!

Настя. Очень возможно! Да что еще выдумал! Поймает, и ну целовать!

Лиза. Воля твоя, Настя, ты врешь.

Настя. Воля ваша, не вру. Я насили от него отделалась. Целый день с нами так и провозился.

Лиза. Да как же, говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит?

Настя. Не знаю-с, а на меня так уж слишком смотрел, да и на Таню, приказчику дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую, да, грех сказать, никого не обидел, такой баловник!

Лиза. Это удивительно! А что в доме про него слышно?

Настя. Барин, сказывают, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно нехорошо: за девушками слишком любит гоняться. Да, по мне, это еще не беда: со временем остепенится.

Лиза. Как бы мне хотелось его видеть!

Настя. Да что же тут мудреного? Тугилово от нас недалеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону или поезжайте верхом; вы, верно, встретите его. Он же всякой день, рано поутру, ходит с ружьем на охоту.

Лиза. Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так и мне все же нельзя будет с ним познакомиться... Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

Настя. И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

Лиза. А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Первый Дворовый Человек, Второй Дворовый Человек, Третий Дворовый Человек, Лиза, Бетти с книгой, Рэчел с книгой, Пнин с книгой, Настя

Музыка. Дворовые люди несут Лизе крестьянское платье и лапти, обряжают ее и уходят.

Рэчел. Here are the social issues of the day: serfdom, the oppression of women... Russian literature and readership were developing at the expense of unprivileged, women and slaves.

Бетти. We also use slave labor when we utilize so many cheap things made in Asia, even this notepad you are writing on...

Пнин. Certainly literature reflects the society, but it's a game, or rather... you get a little saucer of cherries and stop noticing them, they just disappear in your mouth because what you read is so much more fun than the cherries... and you get those goosebumps.

Рэчел. Cherries on a plate... someone has to serve them. Slave labor!

Пнин. So you take the first cherry... father is at the veranda playing chess with Belochkin, another doctor... The second cherry.

Рэчел. See, a well-off doctor! Just as I said!

Пнин. And mother is at the tea table. The third cherry... Mira, Doctor Belochkin's daughter... Мира подходит к скамейке под цветными окнами, где сижу я, садится рядом, и начинается наша, никому не ведомая беседа. My fiancée Mira Belochkina. Революция развела нас, мы оказались на двух противоположных сторонах земного шара. И эта великая нация... кто-то один из этой великой нации, медсестра Эльза со шприцем, увела Миру в безвоздушное пространство, в страшную камеру и вколола какую-то гадость в ее нежное сердце, бившееся под моей рукой. Или просто открыли газ? Мой добрейший коллега Хаген говорит, Aber Warum? Ну почему? Почему они устроили этот кошмарный лагерь так близко? Дахау --- это час неспешной прогулки от Веймара, здесь бродили Гете, Гердер, Шиллер, Виланд, неподражаемый Коцебу. For some reason, ladies and gentlemen, my heart fails me... how can it be? Just an hour from where Goethe and Schiller took their walks... and she is no more.

Музыка. Дворовые люди несут блюда с черешней. Бетти, Рэчел и Пнин берут по ягоде с блюда, уходят. Входит Настя с зеркальцем.

Лиза. вертится у зеркальца. Она повторяет свою роль, низко кланяется, качает головой, наподобие глиняных котлов.

Настя. Вам крестьянское пристало, просто прелесты!

Лиза (кланяясь). Здравствуй, барин. (закрываясь рукавом) Что вы, барин! (испуганно) Сказывает вы баловник!

Настя. По-нашему, ну точно по-нашему! (хлопает в ладоши)

Лиза. Скажи папеньке и Мисс Жаксон, когда я поутру уйду в лес, что исполняю их волю и гуляю для здоровья.

Настя. Для здоровья. Вот чудно! Так и скажу.

Настя уходит, прысая в руку.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Лиза, Алексей, Пнин

Алексей ПОЕТ: ДИМА, ТУТ НАДО ОБ ОХОТНИКЕ И ПАСТУШКЕ, НАПОДОБИЕ КАЗАЧЬЕЙ ПЕСНИ НА СЛОВА ДЕРЖАВИНСКОЙ "ПЧЕЛКИ" СОЧНИ ИЛИ СДЕЛАЙ ВАРИАЦИИ, ТЕМА: ОХОТНИК ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУШКУ И НАЧИНАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Алексей. Сбогар! Охота!

Лай собаки.

Лиза. Батюшки! Помогите!

Алексей. Tout beau, Sbogar, ici.. Небось, милая, собака моя не кусается.

Лиза (испуганно, застенчиво). Да нет, барин, боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется.

Алексей пристально глядит на молодую крестьянку.

Алексей. Я провожу тебя, если ты боишься. Ты мне позволишь идти подле себя?

Лиза. А кто те мешает? --- вольному воля, а дорога мирская.

Алексей. Откуда ты?

Лиза. Из Прилучина; я дочь Василия кузнеца, иду по грибы. А ты, барин? Тугиловский, что ли?

Алексей. Так точно, я камердинер молодого барина.

Лиза. Лиза вглядывается в Алексея и смеется.

Лиза. А лжешь, не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин.

Алексей. Почему же ты так думаешь?

Лиза. Да по всему.

Алексей. Однако ж?

Лиза. Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему.

Алексей. Смышленная ты девушка... ах, почему я не камердинер!

Алексей пытается обнять ее. Лиза отпрыгивает и принимает строгий и холодный вид.

Лиза (важно). Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями, то не извольте забываться!

Алексей (хохочет). Кто тебя научил этой премудрости? Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей? Вот какими путями распространяется просвещение!

Лиза. А что думаешь? --- разве я и на барском дворе никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядялась. Однако, болтая с тобою, грибов не наберешь. Иди-ка ты, барин, в сторону, а я в другую. Прощения просим...

Лиза хочет удалиться. Алексей удерживает ее за руку.

Алексей. Как тебя зовут, душа моя?

Лиза. Акулиной. Да пусти ж, барин; мне и домой пора.

Алексей. Ну, мой друг Акулина, непременно буду в гости к твоему батюшке, к Василью кузнецу.

Лиза. Что ты? Ради Христа, не приходи. Коли дома узнают, что я с бариним в роце болтала наедине, то мне беда будет: отец мой, Василий кузнец, прибьет меня до смерти.

Алексей. Да я непременно хочу с тобою опять видиться.

Лиза. Ну я когда-нибудь опять сюда приду за грибами.

Алексей. Когда же?

Лиза. Да хоть завтра.

Алексей. Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да не смею. Так завтра, в это время, не правда ли?

Лиза. Да, да.

Алексей. И ты не обманешь меня?

Лиза. Не обману.

Алексей. Побожись!

Лиза. Ну вот те святая пятница, приду.

Алексей. Святая пятница!

Входит Пнин.

Пнин. This Saint Friday is but an ancient Roman Venus, and here's why: in French, Friday is "vendredi," which is derived from the Latin "Venus." Indeed, Friday was the day of Venus. And so we can now prove that "Baryshnya-Krestyanka" is a frivolous erotic tale in French style, something scholars who риг-чтфуллы refer to it as a version of "Romeo and Juliet" or Walter Scott's "The Bride of Lammermoor," have failed to see.

Пнин уходит.

Алексей. Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания наши, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что большая часть моих читателей не разделит бы со мною моего удовольствия. Эти подробности вообще должны казаться приторными, итак я пропущу их, сказав вкратце, что не прошло еще и двух месяцев, а я был уже влюблен без памяти, и Лиза была не равнодушнее. Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в моем уме, но никогда мы о том друг с другом не говорили.

Лиза. Причина ясная: Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою; а я ведала, какая ненависть существовала между нашими отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение.

Лиза уходит.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Алексей, Берестов с биноклем на шею, Первый Дворовый Человек с трещоткой, Второй Дворовый Человек с трещоткой, Третий Дворовый Человек с трещоткой, Муромский, Лиза

Берестов. Какое ясное утро! Алексей, я еду прогуляться! Поедем, нечего нежится. Может затравим зайца. Я на на всякий случай прикажу взять пары три борзых, стремянного и мальчишек с трещотками.

Алексей. Я, папа, все утро гулял, позволь мне дома остаться.

Берестов. Что ж, не буду неволить. Хоть почитай. Не все же мечтать о гвардейском полку.

Алексей уходит. Дворовые с трещотками, ружьями и криками "Ату его!" пробегают сцену. Берестов за ними, понукая лошадь. Он натывается на едущего с противоположной стороны Муромского.

Муромский (кланяясь). Мое почтение, Иван Петрович, с погодою!

Берестов. Здравия желаю!

Муромский и Берестов учтиво кланяются, как бы сидя на лошадях.

Муромский (отъезжая, двойной проход). Эх, соблазнила погода, а не надо было ехать. Ишь, медведь неотесанный, тоже устроил выезд. Не отвертелся, пришлось приветствовать.

Берестов (так же накрест отъезжая). Делать было нечего, прямо навстречу пер. Пришлось здороваться. (Замечает зайца) Да что ты, Егорий, зеваешь! Трави!

Дворовые с трещотками, ружьями и криками "Ату его!" пробегают сцену в противоположную сторону.

Первый Дворовый Человек. Ату его!

Берестов (бежит за дворовыми). Ату!

Второй Дворовый Человек. Тугиловского барина лошадь понесла! Гляди, не усидел! Сбросила его лошадь.

Берестов (глядя в бинокль). Верно, надо помочь, поворачивай, Егорий, к тугиловскому барину!

Берестов подъезжает к Муромскому, которого уже поднимают три дворовых человека.

Муромский. Ой, нога! Вот ведь куцая кобыла подвела.

Берестов. Не ушиблись ли вы, Иван Петрович?

Муромский. Ушибся немного. Ваши люди вот вернули мое брненное тело обратно в седло.

Берестов. Вам нельзя теперь долго оставаться в седле. Едемте ко мне.

Муромский. Право же...

Берестов. Считайте, что я взял вас в плен.

Муромский и Берестов хохочут.

Первый Дворовой Человек. Прикажете завтрак накрыть?

Берестов. Непременно, и позови Фимку лекаря.

Музыка. Муромский и Берестов пять раз опрокидывают по стопке водки себе в горло, приговаривая: "Хорошо!" --- и каждый раз все дольше и громче смеются.

Муромский. Вот значит как наша вражда старинная прекратилась, Иван Петрович! От пугливости куцой кобылки!

Берестов. Нет, любезный мой сосед Григорий Иванович, такова видно была воля Божия.

Муромский. Пора. Благодарю за хлеб-соль. Дайте мне честное слово, Иван Петрович, завтра же отобедать по-приятельски у меня в Прилучино. И с Алексеем Ивановичем!

Берестов. Непременно будем. Егорий, вели приготовить барину дрожжи, а кобылу порожнюю привяжите сзади.

Муромский с Первым Дворовым Человеком проходит сцену как бы на дрожжах. Вбегает Лиза.

Лиза. Что это значит, папа? Отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожжи?

Муромский. Вот уж не угадаешь, my dear. Завтра будут у нас обедать оба Берестовы.

Лиза. Что вы говорите! Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать! Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь.

Муромский. Что ты, с ума сошла? Давно ли ты стала так застенчива, или ты к ним питаешь наследственную ненависть, как романическая героиня? Полно, не дурачься...

Лиза. Нет, папа, ни за что на свете, ни за какие сокровища не явлюсь я перед Берестовыми.

Муромский. Как хочешь, душа моя, а я пошел отдыхать после столь достопримечательной прогулки.

Муромский проходит сцену.

Лиза. Что подумает Алексей, если узнает в благовоспитанной барышне свою Акулину? Какое мнение будет он иметь о моем поведении, правилах и благоразумии? Настя!

Входит Настя. Настя и Лиза шепчутся. Муромский уже на выходе, когда реплика дочери заставляет его вернуться.

Лиза. Папа! Я приму их, если это вам угодно, только с уговором: как бы я перед ними ни явилась, что б я ни сделала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивления или неудовольствия.

Муромский. Опять какие-нибудь проказы! Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай, что хочешь, шалунья.

Муромский целует Лизу в лоб и уходит. Лиза и Настя уходят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Первая Дворовая Девушка, Вторая Дворовая Девушка, Берестов, Муромский, Лиза, Алексей, Мисс Жаксон

Дворовые Девушки проходят.

Дворовые девушки. Прилучинские баре едут!

Берестов, Алексей и Муромский проходят.

Берестов. Славное у вас именование. А скажите, к чему посыпаете вы песком дорожки в саду?

Появляется Мисс Жаксон в гриме, нелепой прическе и разряженная. Она важно кланяется и хранит надменное молчание.

Муромский. На английский манер. У меня у дочки и в гувернантках англичанка. Да вот и она! Прошу вас, Мисс Джаксон, Иван Петрович; Иван Петрович, Мисс Джаксон. Мисс Джаксон, велите позвать Лизу.

Дворовая девушка приносит водку и уходит. Муромский, Алексей и Берестов опрокидывают по две стопки. Мисс Жаксон уходит и возвращается с Лизой.

Лиза. Good afternoon, father. How are you?

Берестов (в сторону, Алексею). Господи, она по-нашему ни бе, ни ме. И вся белая!

Алексей. Мое почтение, Елизавета Григорьевна.

Лиза. Nice meeting you, Sir. How are you?

Алексей. Папа, что отвечать?

Берестов. А что, вас в университетах по-англицки не обучили?

Алексей. Так это в Германии было. Там по-немецки говорят.

Берестов. Что ж я прогадал. Дядюшка говорит, Хейдельбург да Хейдельбург, а там и англицкому не учат.

Лиза. I am happy to make your acquaintance, Sir.

Муромский (пытается заметить неловкость). Лиза и Мисс Жаксон, вероятно, не откажутся помозировать. Они весьма недурно поют.

Лиза и Мисс Жаксон поют по-англицки. Берестов и Алексей уходят на другую сторону сцены.
ДИМА, ТУТ НУЖНА ИЗЩАНАЯ ПЕСНЯ ПО-АНГЛИЦКИ, МОЖЕТ 19 ВЕКА? ИЛИ СТИЛИЗАЦИЯ ПОД 19 ВЕК.

Берестов. Как тебе барышня?

Алексей. Ломака какая-то. А пенние --- хоть святых выноси! И не поймешь о чем.

Берестов. Песня мне тоже не показалась, зато барышнин отец --- племянник самого графа Пронского, а это человек всесильный. Для твоей карьеры был бы неоценим.

Алексей. Я, батюшка, хочу в военную службу, хоть даже в армию, да чтоб князя да графя за меня никогда не просили.

Берестов. Молодо-зелено. Я тебе так скажу, Алексей: влиятельный человек важнее всякого наследства.

Лиза и Мисс Жаксон кланяются после аплодисментов присутствующих. Берестов и Муромский опрокидывают еще по две стопки. Лиза и Алексей, отвернувшись друг от друга, листают ноты.

Берестов и Алексей раскланиваются с Муромскими и уходят.

Муромский (Лизе). Что тебе вздумалось дурачить их? Ты по-русски хорошо знаешь. А знаешь ли что? Белилы, право, тебе пристали; не вхожу в тайны дамского туалета, но на твоём месте я бы стал белиться; разумеется, не слишком, а слегка...

Мисс Жаксон. Someone took white face and gloss from my dressing table.

Мисс Жаксон разгневанно уходит.

Муромский (набивает трубку). А ведь по смерти Ивана Петровича имя его перейдет в руки Алексея Ивановича. Это надо обдумать.

Лиза. Мисс Жаксон!

Лиза бежит за Мисс Жаксон. Мисс Жаксон не успевает уйти и оборачивается.

Мисс Жаксон. I didn't expect you to make fun of me after all those years of faithful service to your family.

Лиза. Мисс Жаксон! Мне было совестно показаться перед незнакомцами такой чернавкою; я не смела просить... я была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит мне... I wanted to look like you because you are the most beautiful lady I know!

Лиза кидается на шею Мисс Жаксон.

Мисс Жаксон. Oh, my dear. Here is a jar of white face, the best you can find in England. You can use it whenever you need.

Лиза. You are the best!

Лиза обнимает Мисс Жаксон и запеваёт. Мисс Жаксон присоединяется и до конца поёт английскую песню. Лиза тем временем тихонько уходит и переодевается крестьянкою.

Мисс Жаксон после исполнения песни немного красуется, оглядывается и, не найдя Лизы, уходит.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Лиза, Алексей, Муромский, Берестов

Лиза, Алексей на одной стороне сцены. Свет на них.

Алексей. Лиза!

Лиза. Ты был, барин, вчор у наших господ? Какова показалась тебе барышня?

Алексей. Я ее не заметил.

Лиза. Жаль.

Алексей. Почему же?

Лиза. А потому, что я хотела бы спросить у тебя, правда ли, говорят...

Алексей. Что же говорят?

Лиза. Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?

Алексей. Какой вздор! Она перед тобой урод уродом.

Лиза. Ах, барин, грех тебе это говорить; барышня наша такая беленькая, такая щеголиха! Куда мне с нею равняться!

Лиза. Однако ж, хоть барышня, может, и смешна, все же я перед нею дура безграмотная.

Алексей. И! Есть о чем сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте.

Лиза. А взаправду, не попытаться ли и в самом деле?

Алексей. Изволь, милая; начнем хоть сейчас. Это аз, вот буки, веди, глагол.

Целуются.

Алексей. Что за чудо! Да у нас учение идет скорее, чем по ланкастерской системе.

Свет перемещается на Муромского и Берестова, стоящих и беседующих на другой стороне сцены.

Берестов. Я вам как родному скажу, Григорий Иванович, она у вас такая белая и худая из-за овсянки и колбасок английских. Вот если ей, к примеру, давать ежедневно квасу, кулебяку и пироги с рыбой, она поправится. Будет в теле барышня, как остальные.

Муромский. А ваш Алексей молодец.

Берестов. Да, станет хорошим баринем. Охоту любит: каждое утро в отъезжем поле. Я вот и подумал: а не сладить ли нам... Ваш товар, наш купец.

Муромский. Я и сам так подумал.

Берестов. Только Лиза ваша не благоволит к Алексею, чуть мы на крыльцо, как она нездорова.

Муромский. Да ничего, ведь и Алексей ваш не ездит к нам. Слюбятся. Время все сладит.

Берестов. Ну, за сговор!

Муромский. Здоровье детей!

Муромский и Берестов пьют и пожимают друг другу руки.

Свет. Муромский и Лиза уходят.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Берестов, Алексей, Первый Дворовый Человек

Берестов. Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Иль гусарский мундир уже тебя не прельщает?

Алексей (почтительно). Нет, батюшка, я вижу, что вам не угодно, чтоб я шел в гусары; мой долг вам повиноваться.

Берестов. Хорошо, вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочю ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить... тотчас... в статскую службу; а покамест намерен я тебя женить.

Алексей. На ком это, батюшка?

Берестов. На Лизавете Григорьевне Муромской. Невеста хоть куда.

Алексей. Батюшка, я о женитьбе еще не думаю.

Берестов. Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал.

Алексей. Воля ваша, Лиза Муромская мне вовсе не нравится.

Берестов. После понравится. Стерпится, слюбится.

Алексей. Я не чувствую себя способным сделать ее счастье.

Берестов. Не твое горе --- ее счастье.

Алексей. Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

Берестов. Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как Бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю! Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться.

Берестов уходит.

Алексей (пишет). "Возлюбленная Акулина, отец пригрозил мне погубелью, коли не женюсь на барышне вашей. Отнимет наследство и проклянет, да мне-то что, если я люблю и любим тобою? Душенька моя, согласна ли ты выйти за меня с тем, чтобы жили мы своими трудами в честной бедности? Если да, приходи к нашему дубу, как стемнеет. Я приведу лошадей: до Обломкова три версты, там нас обвенчает отец Ерофей. Уедем куда-нибудь, я покамест не решил, куда. Положимся на волю Божию. Твой Алексей". Егорий!

Первый Дворовый Человек. Здесь я, барин.

Алексей. Снеси эту записку в лес, в дупло, ну, ты знаешь. Да дожись, чтобы Акулина сама взяла, спрячься там и дожись.

Первый Дворовый Человек. Отчего ж не снести?

Первый Дворовый Человек берет письмо и уходит. Алексей нервно ходит взад-вперед, начинает петь под гитару свою песню, потом бросает.

Алексей. Я сам явлюсь к Муромским и все объясню. Будь что будет!

Свет.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Алексей, Первая Дворовая Девушка, Лиза, Муромский, Первый Дворовый Человек, Второй Дворовый Человек

Алексей. Дома ли Григорий Иванович?

Первая Дворовая Девушка. Никак нет, Григорий Иванович с утра изволил выехать.

Алексей. Как досадно! Дома ли по крайней мере Лизавета Григорьевна?

Первая Дворовая Девушка. Дома-с.

Алексей идет и видит, как Лиза читает его письмо.

Лиза (читает). "Возлюбленная Акулина, отец пригрозил мне погубелью, коли не женюсь на барышне вашей. Отнимет наследство и проклянет, да мне-то что, если я люблю и любим тобою? Душенька моя, согласна ли ты выйти за меня с тем, чтобы жили мы своими трудами в честной бедности? Если да, приходи к нашему дубу, как стемнеет. Я приведу лошадей: до Обломкова три версты, там нас обвенчает отец Ерофей. Уедем куда-нибудь, я покамест не решил, куда. Положимся на волю Божию. Твой Алексей".

Алексей. Акулина! Друг мой, Акулина!

Лиза. Leave me alone! Please, leave me alone! You are insane!

Алексей. Да что же это! Акулина! Лиза! Я по-англицки не могу...

Появляется Муромский с дворовыми.

Муромский. Ага! Да у вас, кажется, дело совсем уже слажено... Несите образ!

Дворовые люди несут икону. Муромский благословляет молодых.

Уходят. Свет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рэчел, Дэн, Бетти, Пнин, все студенты

Рэчел. Пнин обсуждает только незначительные детали, а об общей картине ни слова.

Дэн. Удивительно, как он ненавидит немцев. Мои предки были из Германии.

Рэчел. Говорят, Пнин обидил буквально всех своих коллег. Эми Вискс с гендерных исследований сказал, что гендерные исследования не должны и на выстрел подходить к литературе. Профессору Фолькену, автору книги "Темы поэзии Лермонтова", заявил, что нельзя рассматривать поэзию как список тем. Лермонтов помнил свою жизнь до рождения, вот что важно Пнину.

Кэти. До рождения?

Рэчел. Вообще он всех посылает куда подальше своей знаменитой фразой: "Вам нужно заниматься экзистенциальным феминизмом или феминистическим экзистенциализмом, а не поэзией." А Блоренджу, заведующему кафедрой французской литературы, он сказал, что тот не знает ни французского, ни литературы.

Бетти. Это правда, Блорендж думал, что Шатобриан --- повар.

Кэти. Ну да, есть книга "Сто рецептов Шатобриана". А что, есть другой Шатобриан?

Бетти. Конечно. Пнин все читал. И французский знает в совершенстве. Но я никогда не слышала, чтобы он всех подряд оскорблял или участвовал в институтских передрагах. Он благородный человек, из дворя, и семью его убили. Он был в Белой Гвардии и бежал в Турцию.

Кэти. Мне нравится его старомодность. Я записалась на русский, потому что хочу прочесть "Анну Карамазову" в оригинале.

Пнин входит, закрывает зонт.

Пнин. Good morning. When enters Professor students stand up in Russia. You also stand up if you want like in Russia. У вас есть вопросы по чтению?

Рэчел. Не могли бы вы объяснить, по каким критериям вы включаете тех или иных писателей в программу? Какой у вас канон? Россия представлена на мировой литературной арене Толстым, Достоевским и Чеховым, а мы в этом курсе по девятнадцатому веку читаем только Пушкина и Гогурта.

Пнин. Канон? Я не составлял никаких канонических списков. А критерии... ну да я же сказал, когда не замечаешь, как исчезает черешня. И дрожь проходит по спине. У Аристотеля был еще один неплохой критерий, но о нем мы поговорим немного позже.

Бетти. Имеет ли имя Лиза знаковое значение в русской литературе?

Пнин. Разумеется. Ваше имя, Бетти, Элизабет, Лиза --- вы можете написать об этом курсовую. Что в имени...

Студенты не замечают монолога, они пишут и читают.

Вот жену мою зовут Лиза. Она пишет, когда ей что-то от меня нужно. Недавно она погрузилась в свое эго и поняла, что не может ограничиться любовью Эрика. Он тоже заглянул в свое эго и решил, что не может ограничиться Лизой. Они обрели, по ее выражению, смелость чувств. Помог кружок "снятия напряжения". Они объединяются в группы по восемь и расслабляются. Будто трупы, со дна детства всплывают травматические эпизоды. Их понукают с полной открытостью обсуждать меж собой сложности их супружеского несоразмерения. Доктор Эрик Винд разработал методу, которая позволила бы свести всех этих жен и мужей в единую группу и сделать их браки открытыми. Жутковатое словечко "группа". Кто угодно с кем угодно в этой группе... но физиологические подробности опустим. "Милый Тимофей, ты не моралист и все понимаешь!" Да, я не люблю морализм. Блуд гадок вовсе не с моральной точки зрения. Открытый брак --- это пошлость, провинциальная, косная, заскорузлая пошлость людей, которым нечего делать. И что если в какой-нибудь из пар один живет в открытом браке, а другой открыто страдает? Я не верю в Бога, но в существо с весами в загробном мире я верю. В египетской Книге Мертвых посмертная радость дается тем, кто не был причиной слез. А доктор Винд, прогрессивный психиатр, мечтает о счастливом мире, составленном из сямских столбовов -- анатомически сопряженных сообществ. Вся его психиатрия --- ничто иное как немецкая разновидность коммунистического микрокосма. Она срастается с психологией другого пыточного застенка, России, как сказал один из местных профессоров, "страны Толстого, Станиславского, Раскольникова и других великих и достойных людей". О вечная пошлость групп! Неужели нельзя оставить людям их личные печали? Не есть ли печаль то единственное на земле, чем человек действительно обладает?

Пнин хватается за сердце.

У меня тень за сердцем, что-то не то внутри. До крайности неприятное и пугающее ощущение. Не боль, не перебои, но утопание в окружающем мире и растворение в нем --- в его тихом воздухе. А как это было у Миры Белочкиной, когда страшная дама, может быть по имени Эльза, взяла в руки шприц... или то была газовая камера? Коллега Хаген неустанно повторяет Aberg walrus --- ну почему? Почему они устроили этот кошмарный лагерь так близко? Дахау --- это час неспешной прогулки от Веймара, здесь бродили Гете, Шиллер, неподражаемый Коцебу.

Сдавайте контрольную работу, господа. Завтра мы перейдем к Гоголю. Вам понравится его романтическое безумие, может быть даже больше классической точности Пушкина.

Смеется. Никто больше не смеется.

Рэчел, Дэн, все студенты выходят. Остается Бетти.

Бетти. Профессор Пнин, мне очень понравилась "Барышня-крестьянка". Я ела черешню... а когда все хорошо кончилось, заплакала.

Рпн. Эта виньетка всего лишь пародия на сентиментализм. Пушкин, думаю, катался от хохота, сочиняя ее. Там каждая строка заимствование. Белкин тут пытается стать даровитым писателем, да таланта нет. Смешнее всего, что Пушкин пародирует даже своего собственного "Онегина"! Молодой Берестов модно разочарованный фат, но в душе он просто славный мальчик. Лиза удивилась, что он гоняется за девушками... И конец счастливый --- тоже пародия. Согласитесь, эхли энд в сущности такая пошлость. Когда лавина останавливается в пяти метрах от девушки, и она выходит замуж и живет долго и счастливо...

Бетти. В литературе да, но в жизни...

Пнин. В жизни... конечно, в жизни бывает... знаете, жена Пушкина зевала от его стихов, а жена толстого предпочла ему посредственного музыканта с красным носом. В жизни, конечно, возможность счастливого конца не исключается.

Бетти. Посредственный музыкант... со мной это было дважды. Лет десять назад я полюбила, но он предпочел мне другую, а потом в моей жизни был инвалид, теперь он женат на своей красавице-сиделке.

Пнин. Но как же можно! Конечно, мои годы не позволяют мне...

Бетти. Вы молодо выглядите... вы молоды. Вы в душе молоды.

Пнин берет ее руку в свои. Стоят так некоторое время, потом Бетти высвобождает свою руку из лап Пнина и уходит.

Пнин. Возможность счастья. Счастливый конец это, конечно, так сказать... не русское мероприятие.

Полусвет, зловещая ритмичная музыка.

Пнин уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кэти, Рэчел, Дэн

Кэти. Ты успела прочесть?

Рэчел. Gogol. В библиотеке только один экземпляр, я его пока только взяла.

Кэти. Давайте прочтем вслух. По кругу.

Рэчел. Да, у нас будет семинарская группа.

Появляется Бетти.

Дэн. "Нос". Сколько там страниц?

Бетти. Не очень много, я когда-то читала, но забыла.

Рэчел. Тебе понравилось?

Бетти. Своёобразно, я бы сказала своеобразно.

Далее может использоваться музыка из оперы Шостаковича "Нос"

Незаятые в "Носе" уходят. Переодевание под музыку прямо на сцене. Один из студентов надевает на голову грязную бандану и играет Цирюльника. Другая (Кэти) обматывает ноги

юбкой и фартуком и растрепывает волосы, чтобы они торчали вверх или во все стороны: это супруга Цирюльника.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Иван Яковлевич (Цирюльник), Прасковья Осиповна (супруга его), Квартальный, толпа: Разносчик, Прохожий, Мальчик, Дамы, Первая Старуха, Вторая Старуха, Купец, Дворник

Иван Яковлевич заходит с полотенцем и робко, просительно смотрит на Прасковью Осиповну. Она стоит, руки на бедрах, довольно грозно смотрит на мужа.

Иван Яковлевич. Хочется мне, Прасковья Осиповна, горячего хлебца с луком.

Прасковья Осиповна бросает на стол хлеб. Иван Яковлевич просовывает полотенце за ворот, посыпает хлеб солью, берет нож, режет хлеб. Лицо его принимает удивленное выражение: в середине хлеба --- нос коллежского асессора Ковалева.

Прасковья Осиповна. Где это ты, зверь, отрезал нос? Мошеник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся.

Иван Яковлевич. Нос коллежского асессора Ковалева! Пусть в уголку маленько полежит, а после его вынесу.

Прасковья Осиповна. Чтобы я позволила в комнате лежать отрезанному носу?.. Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты, пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слышала! (Уходит)

Иван Яковлевич (встает, чешет рукою за ухом). Черт его знает, как это сделалось. Пьян ли я вчера возвратился или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное: ибо хлеб - дело печеное, а нос совсем не то.

Иван Яковлевич заворачивает нос в тряпку и выходит. Музыка наподобие Тирсена. Сцена: улица, толпа, суета, топот копыт (кругами, быстро).

Разносчик. Пирожки горячие! Пирожки! Горячие пирожки!

Мальчик. Газеты! Свежие новости! Англичские моды! Новейшие вирши Пушкина!

Иван Яковлевич старается сделать вид, что нечаянно роняет нос.

Прохожий. Вы что-то обронили!

Иван Яковлевич поспешно поднимает нос и прячет в карман. Идет дальше. Размахивается.

Квартальный (свистит). Подойди сюда, любезный!

Иван Яковлевич. Желая здравия вашему благородию! (прячет нос за спиной)

Квартальный. Нет, нет, братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал?

Иван Яковлевич. Ей-богу, сударь, да посмотрел только...

Квартальный. Врешь! Изволь-ка отвечать! (хватает цирюльника и тащит за кулисы).

Иван Яковлевич (кричит). Я только посмотрел! Ай! А-а! У-у!

Свет. Все уходит. На сцене большое зеркало.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Майор Ковалев (с огромными бакенбардами, румяный), Нос, Священник, Дама, Дочь дамы, Извозчик, Привратник, толпа: Дамы, Лакей, Первая Старуха, Мальчик, Дворник, Купец, Прохожий (примечание: толпа состоит из всех, кто не занят теперь в представлении, кроме главных персонажей)

Ковалев один.

Ковалев. Брр... (потягивается, поднимается с постели). Помнится вчера вскопчил у меня на носу прыщик... Посмотрим, посмотрим. Ведь сегодня визиты-с. (Берет зеркало).

Вскакивает, щупает рукой лицо, мечется. Смотрится в большое зеркало.

Гладкое место! Нет носа! Или я сплю? Полиция! Полиция!

Майор Ковалев убегает со сцены, возвращается на сцену, уже представляющую из себя шумную улицу, как в СЦЕНЕ ТРЕТЬЕЙ, и там держит платок у лица. Потом он завязывает платок на пол лица. В толпе двигался вместе со всеми и цирюльник, они с майором друг с другом несколько раз разминулись.

Ковалев (останавливается, говорит в зал). Черт знает что, какая дрянь! Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!. Не может быть, чтобы нос пропал сдуру! (достает зеркальце, смотрит).

В это время сзади проходит Нос. Ковалев поворачивается: он поражен. Нос в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем замшевые панталоны; на боку шпага. По шляпе с плюмажем можно заключить, что он считается в ранге статского советника.

Ковалев. Мой нос! Однако... По мундиру, по шляпе видно --- статский советник. Черт его знает, как подойти к нему!

Идет за Носом. Нос важно следует за кулисы, выходит с другой стороны. Ковалев за ним. Нос покупает газету.

Ковалев. Странное происшествие. Как же можно, в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у меня на лице, мог ездить и ходить --- и в мундире!

Нос снова идет за кулисы, майор за ним. Толпа исчезает и является уже в виде прихожан. На сцену выходят Священник и прихожане. Служба. Нос выходит с другой стороны и начинает набожно молиться. Ковалев за ним. Крестится.

Священник. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. (далее фоном) Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. Помилуй нас Господи, помилуй нас. Всякого бо ответа недоумеюще, сию ти молитву яко грешные приносим: помилуй нас. Слава Тебе, Боже Наш, Слава Тебе.

Ковалев. Милостивый государь... Милостивый государь...

Нос. Что вам угодно?

Ковалев. Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. Я вас нахожу, и где же? --- в церкви. Согласитесь...

Нос. Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить... Объяснитесь.

Ковалев. Я... майор. Мне ходить без носа, согласитесь, неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает апельсины, можно без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Посудите сами, милостивый государь. (При этом майор Ковалев пожал плечами.) ... Если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...

Нос. Ничего решительно не понимаю. Изъяснитесь удовлетворительнее.

Ковалев. Милостивый государь... Дело, кажется, совершенно очевидно... Ведь вы мой собственный нос!

Нос смотрит на майора, брови его несколько нахмурились.

Нос. Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы служите по другому ведомству (берет Ковалева за пуговицу).

Нос отворачивается и продолжает молиться. Входят дама и молоденькая дама. Ковалев следит за ним глазами, кланяется и сладко улыбается. Нос исчезает. Появляется Извозчик.

Ковалев. Прикинулся статским советником, плут и подлец! Он больше ничего, как мой собственный нос! Черт возьми! К обер-полицмейстеру! (Извозчику) Валяй во всю ивановскую!

Ковалев. У себя обер-полицмейстер?

Привратник. Никак нет, только что уехал.

Ковалев. Вот тебе раз!

Привратник. Оно и не так давно. Минуточкой бы пришли раньше, застали бы дома.

Ковалев (извозчику). Плут и мошенник! Улизнул! Куда ехать? К начальству безрассудно, потому что из собственных ответов носа уже можно видеть, что для этого человека ничего нет священного. (Извозчику) Пошел!

Извозчик. Куда?

Ковалев. Пошел прямо!

Извозчик. Как прямо? тут поворот: направо или налево?

Ковалев. В газету! Туда! (бьет извозчика в спину) Скорей, мошенник!

Извозчик. Эх, барин!

Извозчик берет деньги и уезжает.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ковалев, Чиновник из газеты, Очередь (бывшая толпа): Лакей, Первая Старуха, Вторая Старуха, Мальчик, Купец, Дворник --- с записками

Ковалев врывается в редакцию. Очередь давать объявления в газету. Диктует Лакей богатого дома. Каждый подавший объявление платит и уходит.

Ковалев (подходит, запыхавшись, к редакционному столу). Кто принимает объявления? А, здравствуйте!

Чиновник. Мое почтение.

Ковалев. Я желаю припечатать...

Чиновник (в очках, в зубах перо, держит деньги). Прошу немножко повременить.

Ковалев замечает "очередь из старух, купеческих сидельцев и дворников с записками".

Лакей (с галунами, важный, с запискою в руке). Поверите ли, сударь, что собачонка не стоит восьми гривен; а графиня любит, ей-богу, любит, --- и вот тому, кто отыщет, сто рублей! Если сказать по приличию, вкусы людей совсем не совместны: уж когда охотник, то держи легавую или пуделя; не пожалей пятачок, но зато уж чтоб была собака хорошая.

Чиновник (читает подаваемые ему записки). Дворовая девка девятнадцати лет, упражнявшаяся в прачечном деле, годная и для других работ; прочные дрожки без одной рессоры; молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцати лет от роду...

Ковалев. Милостивый государь, позвольте... Мне очень нужно.

Чиновник. Сейчас, сейчас! Два рубля сорок три копейки! Сию минуту! Рубль шестьдесят четыре копейки! (Ковалеву) Вам что угодно?

Ковалев. Мошенничество! Прошу припечатать, что тот, кто ко мне этого подлеца представит, получит достаточное вознаграждение.

Чиновник. Позвольте узнать, как ваша фамилия?

Ковалев. Нет, зачем же фамилию? Мне нельзя сказать ее. У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Палагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, боже сохрани! Просто напишите: коллежский асессор, или, еще лучше, состоящий в майорском чине.

Чиновник. Сбежавший был ваш дворовый человек?

Ковалев. Какое дворовый человек? Сбежал от меня... нос...

Чиновник. Гм! какая странная фамилия!

Ковалев. Нос то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Черт хотел подшутить надо мною!

Чиновник. Да каким же образом пропал? Я что-то не могу хорошенько понять.

Ковалев. Да я не могу вам сказать, каким образом; главное, что он разъезжает теперь по городу и называет себя статским советником. Прошу вас объявить, чтобы поймавший представил его немедленно ко мне. Вы осудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? Это не тот что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую раз и в сапог. Я бываю по у статской советницы Чехтаревой; Подточина Палагея Григорьевна, штаб-офицерша, у ней дочка очень хорошенькая... Мне теперь к ним нельзя явиться.

Чиновник сжимает губы и задумывается.

Чиновник. Нет, не могу поместить такого объявления в газетах.

Ковалев. Как? отчего?

Чиновник. Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос... И так уж говорят, что печатается много несообразностей.

Ковалев. Да чем же это дело несообразное? Тут ничего нет такого.

Чиновник. Это вам кажется, что нет. А вот на прошлой неделе был случай. Пришел чиновник, принес объявление, денег по расчету пришлось два рубля семьдесят три копейки. "Сбежал пудель черной шерсти." Кажется, что бы тут такое? А пудель оказался казначей, не помню какого заведения.

Ковалев. Да ведь я вам не о пуделе, а о собственном моем носе.

Чиновник. Нет, никак не могу поместить.

Ковалев. Да когда у меня точно пропал нос!

Чиновник. Если пропал, то это дело медика. Говорят, есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос. А вы должно быть любите пошутить.

Ковалев. Клянусь вам, вот как бог свят! Пожалуй, я покажу вам.

Чиновник. Зачем беспокоиться! Конечно желательно бы взглянуть...

Коллежский асессор отнимает от лица платок.

Чиновник. В самом деле, чрезвычайно странно! --- место совершенно гладкое, как будто бы блин. До невероятности ровное!

Ковалев. Судите сами, нельзя не напечатать. Я вам буду особенно благодарен; рад, что случай доставил мне удовольствие с вами познакомиться...

Чиновник. Напечатать-то дело небольшое --- только я не предвижу в этом никакой для вас выгоды. Хотите описать это как редкое произведение природы (нюхает табак) для пользы юношества (утирает нос)? Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот. Не угодно ли понюхать табачку? это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам...

Ковалев. Не понимаю, как вы находите место шуткам, --- разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать? Черт поberi ваш табак!

Чиновник исчезает. Появляется Извозчик.

Извозчик. Куда?

Ковалев. За Моховую, Набоковых флигель! К частному приставу Головкину!

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Частный Пристав, Ковалев, Полицейский, Доктор

Частный Пристав один.

Частный пристав. Ох, осну два часика! (Смолит на ассигнацию) Это вещь, --- нет ничего лучше: есть не просит, места не займет, уронишь - не расшибется.

Вбегает Ковалев.

Ковалев. Мое почтение! Майор Ковалев!.. Черт знает что такое! Необходимо следствие!

Частный пристав. После обеда не время производить следствие! Сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть!

Ковалев. Но происшествие неслыханное! Оторван, сбежал собственный нос мой!

Частный пристав. У порядочного человека не оторвут носа, господин майор! Много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего...

Майор Ковалев. После этихких обидных с вашей стороны замечаний я ничего не могу прибавить...

Частный Пристав отворачивается и уходит в среднюю дверь. На сцену выкатывают большое зеркало. Ковалев проходит сцену. Он один дома. Бросается в кресло.

Ковалев. Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги --- все бы это лучше; без ушей --- скверно, однако ж все сноснее; но без носа человек --- черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, --- просто возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войне или на дуэли; но ведь пропал ни за что ни про что!.. Нет, не может быть, чтобы нос пропал; никаким образом невероятно. Это или во сне снится, или может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку. (Медленно встает, крадется к зеркалу) Экой пасквильный вид!

А! Штаб-офицерша Подточина! Она желала, чтобы я женился на ее дочери и верно из мщения решила меня испортить. Наняла для этого каких-нибудь колдовок-баб...

Стук в дверь. Входит Полицейский.

Полицейский. Здесь ли живет коллежский асессор Ковалев?

Ковалев. Войдите.

Полицейский. Вы изволили затерять нос свой?

Ковалев. Так точно.

Полицейский. Он найден.

Ковалев. Что вы говорите? Каким образом?

Полицейский. Станным случаем: его перехватили на дороге. Он уже сел в дилижанс и хотел уехать в Ригу. Паспорт был написан на имя одного чиновника. И странно, я сам принял его сначала за господина. Но, к счастью, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это нос.

Ковалев. Где же он? Где? Я сейчас побегу.

Полицейский. Не беспокойтесь. Я принес его с собою. И странно, главный участник в этом деле --- цирюльник. Я давно подозревал его... Нос ваш совершенно таков, как был.

Полицейский лезет в карман и вытаскивает оттуда завернутый в бумажке нос.

Ковалев. Он! Точно, он! Выкушайте чашечку чаю.

Полицейский. Почел бы за приятность, но никак не могу... Очень большая дороговизна на все припасы... У меня в доме живет и теща, то есть мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды, но средств для воспитания никаких...

Ковалев схватывает красную ассигнацию, сует в руки полицейскому, который, расшаркавшись, выходит за дверь. Ковалев берет бережливо найденный нос в обе руки, сложенные горстью, и еще раз рассматривает его внимательно.

Ковалев. Точно он! (Смеется) Вот и прыщик. А что если не пристанет?

Придвигает зеркало, чтобы как-нибудь не поставить нос криво. Руки его дрожат. Осторожно и осмотнительно накладывает на прежнее место.

Ковалев. Не приклеивается!.. (Подносит нос ко рту, нагревает его своим дыханием и опять подносит к гладкому месту; но нос никаким образом не держится.) Ну же! полезай, дурак! (Нос как деревянный и падает с таким странным звуком, как будто бы пробка.) Не прирастает. А-а! Доктора!

Доктор является в ту же минуту.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Доктор, Подточина, Ее дочка

Доктор (поднимает майора Ковалева за подбородок и дает ему большим пальцем щелчка в то самое место, где прежде был нос). Давно?

Ковалев. С утра.

Доктор. Гм... (перегибает голову Ковалева то влево, то вправо, снова дает щелчка, качает головою). Нет, нельзя. Вы уж лучше так оставайтесь, потому что можно сделать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вам приставил его; но это для вас хуже.

Ковалев. Как же мне без носа? Уж хуже не может быть, как теперь. Это просто черт знает что! Я имею хорошее знакомство; вот и сегодня мне нужно быть на вечере. Статская советница Чехтарева, Подточина - штаб-офицерша... Сделайте милость, как-нибудь приставьте; лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою в опасных случаях. Я же притом и не танцую. Насчет благодарности, уж будьте уверены...

Доктор. Я никогда из корысти не лечу. Беру за визиты, но только чтобы не обидеть моим отказом. Я вас уверяю честью, приставить нос будет гораздо хуже. Мойте холодной водою, и я вас уверяю, что вы, не имея носа, будете так же здоровы, как если бы имели его. А нос я вам советую положить в банку со спиртом, --- вы можете взять за него порядочные деньги. Я и сам возьму, если вы только не подорожитесь.

Ковалев (кричит). Нет, нет! ни за что не продам!

Доктор. Извините! я хотел быть вам полезным... По крайней мере, вы видели мое старание.

Доктор с благородною осанкою уходит.

Ковалев бежит за сцену и обратно, с другой стороны возникает Подточина.

Ковалев (играя со шляпой, как бы танцуя некий странный укоризненный танец). Милостивая государыня Александра Григорьевна! Не могу понять странного со стороны вашей действия. Будьте уверены, что, поступая таким образом, ничего вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на вашей дочери. Я почитаю долгом вас предупредить: если нос не будет сегодня же на своем месте, то я прибегну к защите и покровительству законов (принимает угрожающую позу и замирает).

Подточина (играя веером и как бы танцуя причудливый журавлиный танец). Милостивый государь Платон Кузьмич! Я, признаюсь вам по откровенности, никак не ожидала, а тем более относительно несправедливых укоризн со стороны вашей. Вы упоминаете о носе. Если вы разумеете, что будто бы я хотела оставить вас с носом, то есть дать вам отказ, то меня удивляет, что вы сами об этом говорите. Если вы теперь же посватаетесь на моей дочери, я готова сей же час удовлетворить вас, ибо это есть предмет моего живейшего желания (принимает позу немного оскорбления и замирает).

Дочка входит и тут же вертится.

Ковалев. Черт!

Дамы в ужасе разбегаются, Ковалев бежит в другую сторону и уходит, дамы присоединяются к толпе.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Толпа, как в СЦЕНЕ ЧЕТВЕРТОЙ, перед толпой Первый, Второй, Третий, Четвертый, Пожилая Дама

Толпа. Один другому шепотом и вслух передает известие о Носе.

Первый. Нос! Нос прогуливается по Невскому Проспекту.

Второй. Нос? В каком чине?

Третий. Статский советник!

Четвертый. Позвольте! Мне надобно посмотреть!

Пожилая дама. Нос? А каково объяснение?

Третий. Каково назидание для юношей?

Люди с биноклями, лорнетами, в цилиндрах, в шляпках, с веерами, стоят вдоль сцены и пытаются пролезть, встать на скамейки, вежливо и не совсем вежливо протиснуться вперед. Спекулятор ставит скамейки.

Проход майора Ковалева: гордый, довольный собой майор входит и идет перед остолбеневшей толпой, поворачивается к ней, потом к зрителям. Тянет себя за нос, крутит носом, чешет нос, нюхает табак, сморкается.

Майор Ковалев. Хорошо, черт поberi!

Господин из толпы (отходит от толпящихся и говорит в зал). Как в нынешний просвещенный век могут распространяться этикие нелепые выдумки? Как не обратит на это внимание правительство? Пользы отечеству решительно никакой!

Первый (глядя вслед Ковалеву в лорнет). Нос!

Ковалев уходит в зал. Прожектор на Ковалева.

Второй. Решительно не понимаю!

Все пожимают плечами, вглядываются в зрителей.

Все. Чепуха совершенная!

Третий (провожая Ковалева взглядом в бинокль). И все же во всем этом есть что-то. Что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, - редко, но бывают.

Свет. Все уходят.